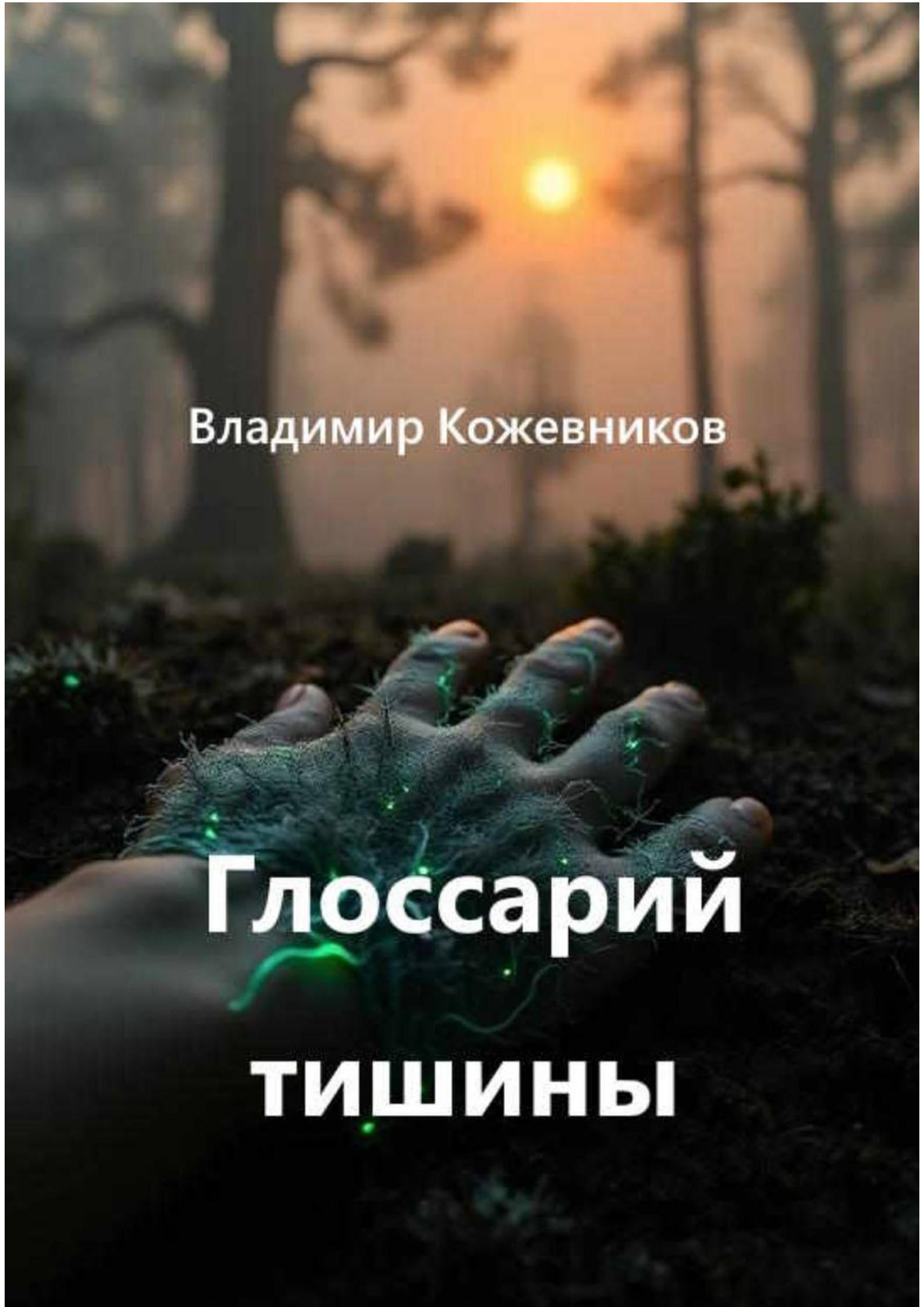

A conceptual image for a book cover. In the foreground, a human hand is shown palm up, with its fingers slightly spread. From the palm and fingers, numerous thin, glowing green lines resembling roots or veins emerge, spreading across the dark, textured ground. The background is a blurred forest scene at sunset or sunrise, with a warm orange glow from the sun filtering through the trees.

Владимир Кожевников

Глоссарий
ТИШИНЫ

Владимир Кожевников

Глоссарий тишины

«Автор»

2026

Кожевников В. В.

Глоссарий тишины / В. В. Кожевников — «Автор», 2026

Ксенолингвист Лирек Торн, лишённый обоняния, прибывает на планету Хаф, чтобы составить словарь сигналов местной плесени, которую предшественники сочли неразумной. Прибор выходит из строя, но споры прорастают на его коже, создавая симбиотический интерфейс. Через прикосновения, тепло и ритм он начинает слышать язык, чья «фраза» длится триста лет. Администрация базы, связанная корпоративными интересами, готовит заключение о его невменяемости, а автор старого отчёта настаивает на отсутствии разума. Лирек понимает: перевод невозможен — нужно передать состояние. Чтобы убедить Комиссию, он сознательно «заражает» судей спорами. Финальная сцена в зале заседаний превращается в акт предельной этической ставки: голос планеты, существующий в геологическом времени, требует не объяснения, а соучастия

Содержание

Глава 1. Прибытие на планету бессловесных спор	5
Глава 2. Анатомия молчания	8
Глава 3. Архив дыхания	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Владимир Кожевников

Глоссарий тишины

Глава 1. Прибытие на планету бессловесных спор

Челнок «Алкион» скользнул в стратосферу Хафа под пологим углом; вишнёвое пламя, лизнувшее тепловые щитки, на миг окрасило иллюминатор в тревожные тона. Лирек Торн, старший ксенолингвист Галавнеша, смотрел на эту безмолвную иллюминацию и думал о том, что вся его жизнь — череда безмолвных иллюминаций, лишённых одного-единственного измерения. Тишина в челноке была ручной, обжитой, обкатанной годами тренировок. Но та тишина, что ждала за бортом, обладала собственной гравитацией, и Лирек ощущал её притяжение ещё до посадки.

Ему было тридцать пять, и двадцать семь из них он прожил без обоняния. Синдром Олсена-Такахаша уничтожил обонятельный нейроэпителий в раннем детстве — после того как мальчик перенёс редкую вирусную инфекцию. Он ещё помнил, как пахнут мандариновые корочки на Новый год, но помнил уже не чувственно, а мнемонически, как помнят лицо умершего друга — без возможности прикоснуться. Позже, в университете, он понял, что эта утрата стала его преимуществом: работая с чужими ольфакторными языками, он никогда не приписывал молекулам собственных эмоций. Его сознание было стерильной средой, идеальной для культивирования чужого смысла. Так говорили его наставники. Так говорил он сам, когда требовалось объяснить, почему именно ему поручают самые безнадёжные контакты.

— База «Имшан» на радаре, доктор Лирек, — голос пилота вывел его из задумчивости. — Садимся через семь минут. Там вас уже встречают. И наши, и... местные. Плесень тут моментально сползается на вибрацию двигателей. Как собака, честное слово.

— Как собака, — эхом повторил Лирек и слабо улыбнулся. — Только я не чувствую запаха псины.

Пилот смутился и замолчал.

Посадочная площадка базы «Имшан» представляла собой идеальный круг спекшейся в стекло почвы, окаймлённый частоколом сенсоров и низким энергобарьером, мерцавшим в инфракрасном спектре. Едва трап коснулся грунта, Лирек вдохнул воздух Хафа — и не почувствовал ничего, но кожа лица немедленно зарегистрировала: влажность около девяноста четырёх процентов, температура — двадцать два градуса, давление чуть выше земного. И ещё — микроскопическое покалывание, словно тысячи невидимых ворсинок касались щёк и лба. Споры. Безвредные, как утверждали отчёты.

У края площадки стояли трое. Администратор Теренс Вестер — человек с сухим, словно вырезанным из дерева лицом, нервно поглаживающий браслет коммуникатора. У него на поясе висел старомодный медальон, и Лирек машинально отметил эту деталь — такие вещи носят те, у кого остались привязанности за пределами галактической бюрократии. Рядом стояла Лина Кассель, аналитик с цепким взглядом и планшетом в руках. Третьим был андроид «Сенешаль-4» с прозрачным черепом; внутри черепа плавали разноцветные огоньки, фиксирующие аудио- и видеопоток.

— Доктор Лирек, — Вестер шагнул вперёд, и его улыбка была точной, как формула. — Рады приветствовать. Всё готово: изолированный модуль, полный спектр анализаторов, образец биомассы в криогерметике. Двенадцати стандартных дней, я полагаю, достаточно для предварительного заключения?

— Достаточно, чтобы начать, — уклончиво ответил Лирек. — Но не чтобы завершить полноценный глоссарий. Впрочем, я понимаю срочность. Комиссия ждёт.

— Не просто ждёт, — вставила Лина, и её голос прозвучал сухо. — Многие члены Комиссии уже сформировали мнение, что хафийская сигнальная система — это автокаталитический процесс, лишённый семантики. Ваш отчёт либо подтвердит это и откроет планету для терраформирования, либо...

— Либо оставит её за плесенью, — закончил Вестер с нервным смешком. — Вы уж постарайтесь быть объективным.

Лирек посмотрел на Вестера, на его медальон, на пальцы, теребящие браслет, и вдруг понял: этому человеку жизненно необходимо, чтобы разума здесь не нашли. Не по злобе — по какой-то личной, глубоко запятой причине. Возможно, его сын был в числе колонистов, ожидающих назначения. Или он сам вложил средства в корпорацию терраформирования. Так или иначе, объективность здесь пахла деньгами и надеждами — но Лирек не мог унюхать ни того, ни другого. Он только видел микродвижения мышц, постукивание пальцев, бегающие зрачки.

— Я всегда объективен, — ответил он. — Покажите лабораторию.

Лаборатория оказалась стерильной, белой, напичканной техникой. В центре возвышался аквариум из прозрачного композита; внутри, на подложке, имитирующей хафийскую почву, покоилась влажная, пористая масса серо-зелёного оттенка. Хафийская биомасса. Лирек разложил инструменты, извлёк «Ароматрон-7» — изящный аппарат, крепившийся на запястье и связанный с микрозаборником на указательном пальце. Настроил калибровку, синхронизировал с главным процессором базы. Всё работало идеально.

Первые часы он посвятил рутинному анализу. Биомасса излучала стабильный букет; Ароматрон фиксировал десятки компонентов и пытался интерпретировать их через нейросетевой декодер. На голографическом дисплее медленно, строка за строкой, проступали слова:

«Граница. Осознание. Тепло. Чужой. Ожидание.»

Лирек пометил в журнале: «Хафийцы регистрируют присутствие наблюдателя. Вероятно, аквариум воспринимается как граница между субъектами». Он не торопился с выводами. Его интересовала временная динамика. Увеличив масштаб аналитической развёртки до нескольких суток, он увидел то, что упускали его предшественники: мельчайшие колебания концентраций, складывающиеся в паттерны с периодом, стремящимся к бесконечности. Компьютер экстраполировал тренд — и Лирек отшатнулся. Одна «фраза» длилась, по предварительным оценкам, около трёхсот стандартных лет. Собеседники-плесени обменивались репликами, которые были старше земной письменности.

— Они говорят на языке геологических эпох, — прошептал Лирек. — Мы для них — вспышка, дрожание воздуха.

Он почувствовал лёгкий зуд под браслетом. Машинально почесав запястье, он не заметил, как несколько спор, проникших сквозь микропоры перчатки, осели на коже. Симбионт, древний посредник между различными колониями мицелия, распознал теплокровное существо с развитой нервной системой и начал прорастать. Это был не паразитизм — это была осторожная, уважительная колонизация, похожая на рукопожатие, растянутое во времени.

Ароматрон издал предупреждающий сигнал. Лирек глянул на дисплей: нейросеть вошла в рекурсивную петлю. Аппарат пытался перевести трёхсотлетнее предложение в формат, совместимый с человеческим восприятием, и терпел крах. Лирек попробовал перезагрузку, упрощённый режим, аварийный протокол. Ароматрон пискнул в последний раз и погас. Безвозвратно.

Тишина в лаборатории стала крошечной.

Лирек сидел неподвижно, глядя на мёртвый прибор. Двенадцать дней. Отчёт. И ни единого способа спросить у плесени, как её зовут. Первой реакцией была паника — глухая, животная, поднимающаяся откуда-то из живота. Он вспомнил себя десятилетнего, когда врачи в последний раз проверяли его обоняние и разводили руками: «Полная аносмия. Необратимо».

Тогда он тоже думал, что мир кончился. Но мир не кончился — он просто стал другим. Тишина — это не отсутствие. Это иная форма присутствия.

Он встал, подошёл к аквариуму. С той стороны мицелий шевельнулся — медленно, как облако, меняющее форму. Лирек снял правую перчатку. Палец за пальцем, обнажая бледную кожу с сеткой голубоватых вен. Прижал ладонь к стеклу. Стекло завибрировало — низко, почти на грани слышимости. Но не ухом он слушал. Кожей.

Ритм был неровным, меняющимся: двойной удар, пауза, три коротких, снова пауза. Узор, напоминающий азбуку Морзе. Лирек задержал дыхание. Потом вспомнил, что его пульс — тоже ритм, и позволил сердцу биться свободно. Через некоторое время ритм мицелия начал подстраиваться под пульс, а затем мягко уводит в сторону, словно вёл диалог: «Я слышу тебя. А теперь послушай меня».

Он не мог сказать, сколько прошло времени. Полчаса, час, вечность. Очнулся он оттого, что тыльная сторона ладони пульсировала теплом. Там, прямо поверх вен, разрослось серое, чуть влажное пятнышко мха. Гифы проникли в эпидермис и оплели нервные окончания, создавая новый сенсорный канал. Синестезия включилась мягко, словно кто-то плавно повернул ручку реостата. Прикосновение воздуха к мху ощущалось как сладость. Тепло собственного тела — как горечь. А пульс мицелия, передающийся через стекло, превратился в череду образов: распускающийся бутон, поток лавы, шум дождя по листве — всё то, что люди привыкли обонять, но Лирек теперь осязал.

Он понял, что хафийцы не молчат. Они говорят непрерывно, тысячелетиями. Их беседа вплетена в круговорот спор, в сезонные дожди, в движение тектонических плит. Просто человеческая жизнь слишком коротка, чтобы уловить тему. Но теперь у него на коже был посредник — мох, который жил в двух временных масштабах сразу.

Лирек сел за терминал и набрал первую фразу будущего отчёта. Но пальцы замерли над клавиатурой. Вместо научного введения он написал: «Сегодня я начал изучать язык, которого нет в словарях. Сегодня я позволил себе быть заражённым».

Он стёр написанное. Но не стёр ощущение, что перевод не нужен. Что истинный диалог возможен только через отказ от перевода и согласие быть изменённым.

За окнами лаборатории всходило солнце Хафа — оранжевый карлик, окрасивший туман в цвет ржавчины. Лирек поднёс ладонь к свету. Мох блестел, как мокрая парча, и тихо пульсировал.

Глоссарий тишины начался не с буквы. Он начался с прикосновения.

Глава 2. Анатомия молчания

Пробуждение было резким, как включение рубильника. Лирек открыл глаза в сером полумраке каюты, и первое, что он осознал — не свет, не время, а присутствие. На тыльной стороне правой ладони обосновалось нечто живое, тёплое, влажное. Он поднёс руку к лицу. Мох разросся за ночь почти вдвое: вчерашнее пятнышко размером с ноготь превратилось в бархатистую пластину, покрывавшую всю тыльную сторону ладони и начало запястья. Гифы, проникшие сквозь эпидермис, теперь были видны невооружённым глазом — тонкие, ветвящиеся, слабо фосфоресцирующие в темноте. Пульсация замедлилась по сравнению со вчерашним днём: не три сокращения в секунду, а одно в две. Мох успокаивался. Или засыпал. Или ждал.

Лирек осторожно пошевелил пальцами. Движение отозвалось в мху лёгким покалыванием. Боли не было. Был странный, почти интимный комфорт — словно кто-то невидимый держал его за руку и не спешил отпускать.

Он сел на койку и приказал себе мыслить трезво. Итак, вчера вечером установлен первый тактильный контакт с хафийской биомассой. Ароматрон выведен из строя — причина неясна, но подозрение падает на рекурсивную перегрузку нейросети при попытке обработать сверхдлинный сигнал. Симбионт на руке прижился и демонстрирует признаки интеграции с нервной системой. Всё это следовало немедленно занести в лабораторный журнал и доложить начальнику базы. Вместо этого Лирек натянул перчатку, скрывая мох.

Почему? Он и сам не мог внятно объяснить. Интуиция — древний, почти атрофированный у современного человека механизм — подсказывала: стоит Администрации узнать о самопроизвольном заражении инопланетным организмом, и его немедленно изолируют, подвергнут медицинским тестам и, скорее всего, эвакуируют. Единственный ксенолингвист, чей отчёт может спасти планету, превратится в биологический образец. А Комиссия, не дожидаясь нового специалиста, проголосует за терраформирование, опираясь на старый отчёт Сааринена. Этого нельзя было допустить.

Завтрак — протеиновый батончик, безвкусный, но питательный; кофе из автомата, про который пилот говорил, что он «пахнет жжёной резиной». Лирек пил кофе и смотрел на свою затянутую в перчатку руку. Мох под тканью не беспокоил: он адаптировался к новым условиям с той же невозмутимостью, с какой рос на камнях и стволах деревьев.

В коридоре его перехватил Вестер. Сегодня администратор выглядел скверно: серое лицо, мешки под глазами, пальцы нервно теребят браслет коммуникатора. Медальон на поясе был приоткрыт, и Лирек машинально зафиксировал взглядом крошечную голограмму внутри — женское лицо, детский профиль.

— Доктор, — голос Вестера звучал глуше обычного, — из Центра пришёл запрос. Через двое суток они ждут промежуточного отчёта. Не итогового, но хоть что-то, что можно обсуждать. Ситуация деликатная: отчёт Сааринена, ваш предшественник, его заключение об отсутствии разума, является основным документом. Если вы не предъявите новых данных, Комиссия будет вынуждена принять решение, опираясь на него.

— Двое суток, — повторил Лирек ровным тоном.

— Я понимаю, что это абсурд, — Вестер внезапно понизил голос и взял его под локоть. — Послушайте, я не враг этой планете. Но у меня обязательства. Контракт с «Новым Миром» — вы знаете, что это за корпорация. Если Хаф не откроют в этом цикле, контракт аннулируют. А я вложил в перевозку семьи с Земли всё, что у меня было.

Он не сказал «у меня долг». Он не сказал «я банкрот». Но Лирек, глядя на медальон с голограммой, услышал именно это. Вестер не был злодеем. Он был человеком, чья жизнь зависела от решения Комиссии так же, как жизнь хафийцев — от отчёта Лирека.

— Я постараюсь, — сказал Лирек. — Но я учёный, а не чудотворец.

В лаборатории он первым делом запустил стационарный анализатор. Пока машина калибровалась, просмотрел данные за ночь. Картина подтверждала вчерашнюю гипотезу: хафийская биомасса реагировала на его присутствие. В спектре появились компоненты, соответствующие (по приблизительной оценке компьютера) «запросу идентификации». Хафийцы спрашивали: «Кто ты?» Вчера он почувствовал этот вопрос кожей. Сегодня предстояло ответить.

Он сел перед аквариумом. Стянул перчатку. Мох отреагировал учащением пульсации, тонкие ворсинки зашевелились, потянулись к стеклу. Лирек прижал ладонь.

Первый контакт затянулся на полчаса и не принёс ничего, кроме смутных ощущений. Затем пошла чередой сигналов: покалывание, тепло, снова покалывание, волна холода, ритмичное давление. Лирек старался не интерпретировать, только запоминать. Он заметил, что когда тепло предшествует давлению, мох на руке отвечает успокаивающей пульсацией — словно весь его организм соглашается с чем-то на до-словесном уровне. А когда холод накатывает внезапно, без предупреждения, сердце начинает биться чаще, и он ощущает тревогу — это был вопрос, настойчивый, требующий внимания. Он попытался ответить: надавил ладонью — раз, два, три. Пауза. Ещё раз. Он хотел сказать: «Я здесь. Я слушаю».

Ответом стал резкий, обжигающий холод. Лирек вздрогнул и отдернул руку. Сердце заколотилось. Мох на ладони сжался, посерел, почти почернел. Пульсация прекратилась.

— Я что-то сделал не так, — прошептал он. Не вопрос — констатация.

Прошло не меньше двух минут, прежде чем мох ожил. Пульсация возобновилась — медленная, осторожная. По коже разлилось успокаивающее тепло.

Позже, анализируя запись, Лирек понял: холод был не отторжением и не агрессией. Это был сигнал «замедлись». Он задал свой вопрос слишком быстро, в человеческом темпе, а хафийцы не могли ответить с той же скоростью. Их «речь» требовала времени — не секунд, а минут и часов на каждую элементарную единицу смысла. Резкий холод был эквивалентом фразы: «Ты торопишься. Мы не успеваем. Подожди».

И когда он отдернул руку, они восприняли это как согласие ждать.

Весь остаток дня и весь следующий день он учился медленности. Это оказалось мучительным испытанием. Лирек, привыкший к мгновенным ответам нейросетей, к скорости света, к тому, что любая информация доступна по первому запросу, — теперь был вынужден замереть и ждать, пока тактильное ощущение доползёт до его сознания. Каждый «слог» длился от трёх до десяти минут. «Слово» — до часа. Он сидел перед аквариумом, прижав ладонь к стеклу, и ждал, стараясь не думать о времени, о Комиссии, о двенадцати днях, которые таяли, как лёд на солнце.

К концу второго дня у него набралась таблица закономерностей. Он не стал оформлять её в виде формального перечня — просто записывал наблюдения в дневник, пытаясь подобрать слова к тому, что ощущала кожа. Тепло, переходящее в давление, он интерпретировал как утверждение присутствия: «я есть». Холод с покалыванием — как вопрос, направленный вовне. Ритмичная пульсация без изменения температуры — как согласие, подтверждение. Долгое, ровное тепло — как заинтересованность. Внезапная смена тепла холодом — как предупреждение или просьба остановиться. Это были лишь догадки, гипотезы, зыбкие, как утренний туман. Лирек не мог проверить их. У него не было обратной связи — только мох, только кожа, только интуиция.

На третий день он решился выйти за пределы базы. Вечер на Хафе наступал медленно: оранжевый карлик клонился к горизонту, окрашивая туман в цвет ржавчины и меди. Лирек покинул периметр, прошёл метров сто вглубь джунглей и остановился у старого узловатого дерева, чей ствол был сплошь покрыт лишайниками и мхом. Он сел на корточки, стянул перчатку и прижал ладонь к земле.

И тогда мир разверзся.

Это не было звуком, зрением или запахом. Это было прикосновение такой силы и глубины, что Лирек перестал ощущать границы собственного тела. Мох на руке соединился с планетарным мицелием напрямую, и через этот мост хлынул поток. Он почувствовал присутствие — не единичное, а множественное, распределённое, древнее. Хафийцы говорили. Их разговор шёл повсюду: под корнями деревьев, в толще почвы, в водоносных слоях, в спорах, плывущих в тумане. Они обсуждали сезонные дожди, движение тектонических плит, химический состав атмосферы. И ещё — они обсуждали его.

Его вопрос — «кто я?» — был передан по цепочке мицелия от узла к узлу. Лирек ощутил, как сигнал расходится кругами, как рябь на воде, достигает удалённых колоний, затухает и возвращается эхом. Хафийцы не понимали, кто он. Но они признали его присутствие. Они включили его в разговор.

Лирек стоял на коленях в джунглях чужой планеты, и влажность хафийского воздуха смешивалась с солью его кожи в одну субстанцию. Он не мог бы сказать, где заканчивается планета и начинается его тело. Мох на руке пульсировал в такт сердцу, и в этом ритме не было ни слов, ни образов — только присутствие. Только принятие.

Он не плакал. Или плакал — это было неважно. Важно было другое: впервые за двадцать семь лет Лирек Торн не чувствовал себя калеккой. Он чувствовал себя частью диалога, для которого не существовало перевода — потому что перевод был не нужен. Диалог шёл на уровне более глубоком, чем символы. На уровне заражения.

Вернувшись в лабораторию, он сел за терминал и написал промежуточный отчёт. Он знал, что этот текст никогда не будет прочитан Комиссией в том виде, в каком он его создал. Но он должен был зафиксировать главное:

«Глоссарий тишины. День третий. Я не могу утверждать, что хафийцы разумны в том смысле, какой вкладывает в это понятие Галактическая Комиссия. Но я могу утверждать, что они говорят. Их разговор длится дольше, чем существует человеческая цивилизация. Их слова — это колебания климата. Их фразы — геологические эпохи. Чтобы понять их, нужно отказаться от перевода как от инструмента. Нужно замедлиться до почти полной остановки. Нужно позволить себе быть заражённым. Я позволил. И теперь я слышу».

Он сохранил файл и выключил терминал. За окнами лаборатории ночной Хаф дышал туманом и спорами. Мох на руке тихо пульсировал, нащёптывая ему сны, в которых не было ни слов, ни образов, ни запахов — только ритм. Только бесконечное, терпеливое присутствие.

Глава 3. Архив дыхания

На четвёртый день Лирек осознал, что больше не может считать своё тело полностью человеческим. Мох разросся за ночь, покрыв запястье и нижнюю треть предплечья серебристо-серым бархатистым чехлом. В ультрафиолетовом свете лабораторной лампы он заметил, что гифы проникли значительно глубже, чем предполагалось вначале: они не просто оплетали нервные окончания, они вросли в стенки капилляров, образуя микроскопические анастомозы. Симбионт питался его теплом, минералами плазмы, продуктами клеточного дыхания. А что давал взамен? Лирек пока не мог сформулировать. Возможно, новое чувство — не осязание, не зрение, не слух, не обоняние, а их странный гибрид, для которого в человеческих языках ещё не придумали названия.

Тщательно одевшись — халат с длинными рукавами, плотно застёгнутые манжеты, — он отправился в лабораторию. Перчатку оставил в каюте. Мох под ней задышался, съёживался; пульсация становилась прерывистой, почти панической, и Лирек, хоть и не доверял антропоморфным проекциям, решил, что симбионту нужен контакт с воздухом.

В лаборатории с первого взгляда всё было как обычно. Анализатор гудел, графики ползли, биомасса в аквариуме волновалась едва заметно. Но что-то настораживало — какая-то микроскопическая неправильность, которую Лирек ощутил раньше, чем осознал. Он подошёл к терминалу, ввёл пароль. Рабочий стол загрузился. И тогда он увидел: журнал доступа зафиксировал вход в систему в 03:17 по стандартному времени. Он в это время спал.

Кто-то читал его файлы.

Лирек медленно опустился в кресло. Пролистал журнал. Неизвестный открывал документы выборочно, но явно знал, что ищет: дневник наблюдений, черновик отчёта, таблицу тактильных паттернов. Тот, кто это сделал, знает о мхе. Знает о контакте. Знает всё.

Первым побуждением было пойти к Вестеру и потребовать объяснений. Но Лирек сдержал себя. Если администратор и есть тот, кто взломал терминал, он сделал это не из любопытства. У него есть мотив. И если сейчас устроить открытую конфронтацию, Вестер попросту изолирует его, вызовет медицинскую бригаду и отправит следующим рейсом в Центр. Действовать надо тоньше.

Он нашёл Лину в техническом отсеке. Она сидела перед экраном, на котором разворачивались колонки системных логов.

— Лина, — голос Лирека прозвучал ровно, даже скучающе, — кто, кроме меня и Вестера, имеет физический доступ к моему лабораторному терминалу?

— Технически никто, — она подняла голову. — Но дубликат ключ-карты есть у сменного инженера. А Вестер вчера вечером запрашивал гостевой доступ к системе видеонаблюдения. Сказал, хочет проверить, не проникает ли местная фауна в технические помещения.

— И вы предоставили?

— Это в его праве.

Лирек кивнул и вышел. Теперь всё сходилось. Вестер читал его дневник и молчал. Почему? Чего он ждал?

Ответ пришёл позже, когда Лирек погрузился в архивные файлы предыдущих экспедиций. Он попросил Лину открыть ему локальную базу данных — копии отчётов, хранившиеся прямо на сервере «Имшана». Девушка выполнила просьбу без возражений, и Лирек начал читать.

Первая экспедиция. Доктор Элиас Сааринен, 2147 год. Сорок дней на Хафе. Группа зафиксировала сложные ароматические букеты, но интерпретировала их как «автокаталитический процесс, лишённый семантической нагрузки». Вывод: разума нет. Лирек читал строчки,

выведенные казённым языком, и чувствовал, как в нём закипает глухое раздражение — не на Сааринена лично, а на всю методологию, на саму идею, что разум обязан отвечать быстро.

Вторая экспедиция. Лингвисты. Они синтезировали запахи-вопросы и слушали ответ. Приборы фиксировали только макроколебания, а хафийцы отвечали с задержкой в недели. Через тридцать дней лингвисты улетели, заключив: «Сигнальная система не отвечает критериям языка». Лирек горько усмехнулся. Критериям чьего языка? С каких пор язык должен отвечать критериям?

Третья, четвёртая, пятая — вереница неудач, зафиксированных аккуратным шрифтом. Люди приходили, задавали вопрос, не получали немедленного ответа и уходили, объявляя планету немой. Но в файлах третьей экспедиции Лирек наткнулся на нечто, заставившее его замечать.

Это было примечание, спрятанное в подвале технического отчёта, набранное мелким шрифтом — так прячут стыдные признания.

«Техник Омар Васкес сообщил о необычных тактильных ощущениях после незащищённого контакта с образцами. Васкес утверждал, что чувствует ритмичные прикосновения, даже находясь вне лаборатории. Медицинское обследование выявило на коже правой руки колонию спор, идентифицированных как непатогенный симбиотический организм. Васкес настаивал, что организм передаёт ему осмысленную информацию. Данные сочтены недостоверными. Рекомендовано списание техника по медицинским показаниям».

Лирек перечитал примечание трижды. Потом ещё раз. Он читал приговор Васкесу и чувствовал, как такие же невидимые строки пишутся сейчас о нём самом — на том же сервере, в той же базе, тем же канцелярским языком. Техник, который услышал плесень, был объявлен сумасшедшим. Его показания — галлюцинациями. Его заражение — патологией. И где он теперь?

Лирек продолжил поиск. Медицинская карта Васкеса. Рапорт о списании. Переписка с Центральным госпиталем. Диагноз: «Тактильные галлюцинации, параноидный синдром, неспособность отличать субъективные ощущения от объективной реальности». Рекомендация: «Пожизненное наблюдение в специализированном учреждении». Местонахождение: не указано. След техника обрывался где-то в недрах галактической бюрократии, и Лирек знал, что такие следы не находят.

Теперь он понимал, почему Вестер молчал. Администратор не просто читал дневник. Он собирал доказательства. Ждал, пока Лирек сам зафиксирует симптомы — заражение, тактильные «галлюцинации», неспособность отделить субъективное от объективного. А затем — медицинское списание, диагноз, психиатрия. И отчёт Сааринена останется неоспоренным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.